

«Обидное слово» в художественной литературе, обиходной речи и юридической практике

Гамзатова Алина Фазиловна

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
 Студент
 E-mail: a.f.gamzatova@gmail.com

Аннотация. В статье поднимается проблема выявления и классификации слов, вызывающих у русскоязычного человека рефлексию обиды. На основе данных образцов отечественной прозы можно сформировать пять групп слов, которые наиболее часто воспринимаются героями произведений как оскорбительные. В результате сопоставительного анализа «обидных слов» из литературных текстов и реальной речи выявляются актуальные для современного русского языка оскорбительные выражения. Полученные сведения позволяют подойти к вопросу о практическом применении исследуемых лексических единиц в области лингвоэкспертологии.

Ключевые слова: обидное слово, рефлексия, рефлексив, инвектива, оскорбление

УДК 81-114.4

"Offensive word" in fiction, daily speech and legal practice

Alina F. Gamzatova

Saint Petersburg State University, Russia
 199034 St Petersburg, Universitetskaya Emb., 7–9
 Student
 E-mail: a.f.gamzatova@gmail.com

Abstract. The article raises the problem of identifying and classifying words that cause a resentment reflection with Russian speakers. Drawing on the examples from the Russian prose, five groups of words that are most often perceived as offensive by characters can be identified. As a result of a comparative analysis of "offensive words" from literary texts and speech the paper reveals offensive expressions relevant for the modern Russian language. The information obtained allows us to approach the question of the practical application of lexical units under study in the field of linguoexpertology.

Keywords: offensive word, reflection, reflexive, invective, insult

UDC 81-114.4

Введение. В современном информационном обществе вопрос о нанесении вербальной обиды одним лицом другому является отнюдь не тривиальным. Усиление влияния на нашу жизнь глобальной сети Интернет, предоставившей возможность не ограниченного цензурными рамками выражения мыслей в режиме онлайн, привело к известной свободе высказываний, значительная часть из которых (прямо или косвенно) носит оскорбительный характер [Голощапова 2014].

С этим можно связывать участвовавшие судебные разбирательства, касающиеся защиты чести и достоинства личности (по открытым данным информационно-правового портала Гарант.ру)⁸ по статьям, предполагающим речевое преступление⁹.

В ходе таких разбирательств одним из наиболее частых аргументов в пользу адресанта речи, воспринятой адресатом как оскорбительной, выступает утверждение адресанта о том, что употреблённое им слово (выражение и др.) не имеет обидной коннотации. Зачастую конфликтный вопрос – содержит ли высказывание речевое оскорбление – приходится решать лингвисту, составляющему специальное экспертное заключение.

Лингвисты, занимающиеся экспертной деятельностью, давно пришли к выводу о том, что обида, оскорбление – явление сугубо субъективное, имеющее характер эмоциональной реакции со стороны адресата, поэтому обнаружить какие-либо универсальные и однозначные параметры оскорбительного / обидного слова / выражения – дело очень непростое, часто следует учитывать множество экстралингвистических факторов (этим вопросом занимались Матвеева, Жельвис, Сидорова и др.). Ощущение обиды связано с такими аспектами существования человека, как социальное положение, уровень образования, национальная принадлежность, социокультурные взгляды в целом. То, что для одного человека выступает нормой общения, для другого может служить речевым оскорблением.

В поле нашего внимания попадают преимущественно диалоговые контексты, в которых на произнесенное адресантом некое слово / высказывание адресат реагирует как на «обиду» или «оскорбление», причем «квалификация» оскорбления зафиксирована в тексте. Иными словами, в настоящей работе рассматриваются такие коммуникативные ситуации, когда в качестве источника «обиды» или «оскорбления» выступает единица речи

⁸ <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71251694/>

⁹ Ст. 130 УК РФ, ст. 319 УК РФ, ст. 5.61 КоАП, ст. 21 Конституции РФ

– слово, предложение или фраза, а (условно) «обида», представляется метаязыковой операцией, т. к. является речевой рефлексией на произнесённое слово / высказывание. *Через три месяца ложа печати писала: «Говорит всем известный альфонсообразный Шульгин». «Альфонсообразный», конечно, выражение оскорбительное.* [Шульгин 1971: 78].

Итак, в аспекте речевого поведения речевую реакцию с семантикой «обидное слово» можно причислить к единицам речевой или метаязыковой рефлексии (*твои слова оскорбительны*), под которой в современной лингвистике понимается «операция метаязыкового сознания по интерпретации какого-либо факта языка или речи» [Шумарина 2011: 2], а саму речевую рефлексию (в нашем случае – «обидное слово») называют речевым рефлексивом.

Согласно И.Т. Вепревой, рефлексивы – «относительно законченные метаязыковые высказывания, содержащие комментарий к употребляемому слову или выражению» [Вепрева 2014: 2]. Они не существуют вне связи с общекультурным, конкретно-ситуативным, собственно лингвистическим контекстом.

Итак, цель работы – на материале развернутых контекстов рассмотреть единицы речи (преимущественно – лексические), имеющие в разновременных и разножанровых текстах квалификацию «обидных» или оскорбительных с точки зрения адресата речи, продемонстрировать их историческую, культурную и прагматическую обусловленность, исследовать инвективный потенциал выделенных единиц.

Актуальность настоящей работы определяется спецификой самого объекта изучения, поскольку одной из главных тенденций лингвистики XXI века является антропологичность, заключающая в себе изучение не речи человека, что было актуально для предыдущей эпохи, а человека говорящего (адресанта диалога), т.е. языковой личности [Вепрева 2014: 2]. При этом важно отметить, что исследование (в широком смысле) обидного слова имеет значение и для лингвоэкспертологии.

Новизна исследования состоит в том, что на широком материале текстов русской литературы и примеров из живой устной речи выявляется устойчивый и обусловленный различными причинами «факультативный» кластеры оскорбительных речевых высказываний.

Практическая значимость исследования заключается в возможном применении полученных результатов в лингвоэкспертной практике в рамках судебных дел о защите чести, достоинства и деловой репутации (ст. 5.61 КоАП РФ).

Материалы и методы. В качестве материала используются тексты (контексты) из русской художественной и публицистической литературы (первая половина XIX в. – нач. XXI в.), а также данные, полученные в результате опроса современных носителей русского языка.

Основными методами исследования выступают: описательный метод (для описания речевых ситуаций, вызывающих рефлексию «обидное слово»); метод лексико-семантического анализа лексических единиц семантического поля «обида»; метод прагматического анализа ситуаций, вызывающих «обидную рефлексию»; метод сопоставительного анализа данных обиходной речи и художественной литературы.

Обсуждение. Основная задача настоящего исследования заключается в проведении сопоставительного анализа «обидных слов», зафиксированных в русской литературе, и слов, вызывающих «обидную» рефлексию у современных носителей русского языка.

«Обидные слова», используемые в отечественной прозе, были выявлены в результате анализа литературных контекстов.

Основными источниками выступили Национальный корпус русского языка (НКРЯ), а также База русских писателей первой трети XX века, которая в настоящее время создаётся в Санкт-Петербургском государственном университете. Общее число исследуемых контекстов – 63 единицы. Границы контекста определяются эмпирическим путем – он должен быть достаточным для определения контекстной семантики выделенного слова (словосочетания, предложения), воспринимаемого в качестве источника рефлексива (условно) «обидное слово». Отбор языковых единиц производился с опорой на «метаоператоры» (термин М.Р. Шумариной), указывающие на то, что конкретная речевая негация задела адресата сообщения. Среди них: *«не применяй ко мне это ругательство», «мне (это) обидно», «меня это обижает», «не обижай меня».*

Жанровое разнообразие произведений (среди них: роман, повесть, рассказ, очерк, статья, религиозная проповедь, записи на форуме) помогает проникнуть в «недра» русского литературного языка – просмотреть лексику, употребляемую в различных коммуникативных ситуациях людьми разного социального положения, не ограничиваясь лишь весьма свободным (особенно в нынешнюю эпоху), но всё же табуированным языком художественной литературы.

Живая речь, слова, в действительности, употребляемые людьми, порождающие естественную рефлексию обиды, – это то, что составляет базис настоящего исследования.

Отбор текстов производился на основе метода прагматического анализа ситуаций, вызывающих «обидную» рефлексию.

В результате проведённого исследования, удалось систематизировать и классифицировать языковые единицы, воспринимаемые героями русской художественной и публицистической литературы как оскорбительные.

Так, «обидные» слова можно разделить на три группы.

Во-первых, это слова-ругательства, которые изначально несут в себе негативную коннотацию. Их употребление всегда обосновано целью умышленно нанести другому человеку обиду. Например: – *Эй ты, рыжая... – сказал Агафонов в тёмную глубину подъезда, и тут обидное слово «дурак» снова с размаху шлёпнулось прямо в бесстрашное, но ранимое сердце Сергея Агафонова.* [Пивоварова 1982: 97].

– Ну, черт с тобою, поезжай бабиться с женою, фетюк! – *Фетюк* – слово, обидное для мужчины, происходит от *Ф* – буквы, почитаемой некоторыми неприличною буквою. [Гоголь 1938: 57].

Во-вторых, это слова-«не-ругательства», которые не несут в себе негативной коннотации и были восприняты как оскорбительные ввиду недоразумения или в рамках определённого контекста. Показательным в таком случае являются примеры:

– *Цыбарка! Цыбарка! Аглая не поняла, но на всякий случай рассердилась <...> Она думала, что цыбарка – ругательство.* [Чуковский 1936: 134].

Спокойный, насколько это было возможно, Аян крикнул: – Жри! Подавись! Собака! Цепная собака! Залитый водой, измученный, он осыпал пролив презрительными ругательствами, дерзкими оскорблениями, издевался, придумывая самые язвительные, обидные слова. [Грин 2016: 34].

В-третьих, это ситуативные (или контекстные) оскорбления. Слова, по своей семантике нейтральные, но в определённых контекстах или при использовании в переносном значении выступающие в качестве обидных. Находим в литературе следующие примеры:

Вдруг она, не отнимая рук от лица, спросила: – Я у тебя первая? Я кивнул головой, но она не видела и повторила: – Первая? – Да! – ответил я. Тогда она открыла лицо и обидно сказала: – Партнёр! – Что?! – спросил я ошалело. [Домбровский 1956: 98].

С завистью глянув на мертво спящих солдат, он кивнул Люсе головой и вышел из хаты. – Заспались, заспались, прапоры! – такими словами встретил своих командиров Филькин. Он, когда бывал не в духе, всегда так обидно называл воих взводных. [Астафьев 1997: 127].

В результате проведённого анализа литературных контекстов, можно сделать вывод о том, что рефлексия обиды в разных социальных слоях русского общества возникает на слова, обозначающие:

- профессии (*сапожник, баумачник, прапор, палач, дизайнер*),
- национальную принадлежность (*еврей, жидёнок*),
- животных (*тварь, собака, гидра*),
- социальную принадлежность (*нищий, незаконнорожденный, барин, маргинал, мещанство, олигарх*),
- предметы утвари (*цыбарка*),
- манеру поведения (*блудница, жулик, варвар, убийца, болтун, безбожник, пьяница, демагог, торгаш*),
- личные характеристики (*дурак, трус, болван, невежа, слонтяй, пошляк, неверный, черный, грязный, дешёвый, фетюк, патриот*),
- род деятельности (*курортник, партнёр*).

С целью выявления слов, вызывающих рефлексию «обиды» у современного носителя русского языка, был проведён опрос. Формирование списка слов основывалось на представлении о том, что все эти слова являются «обидными» с точки зрения героев отечественной прозы. Разница между ними состоит лишь в степени наносимой «обидности».

Реципиентам было предложено пять групп слов (по три в каждой), которые квалифицируются героями литературных и публицистических произведений как обидные: личностная характеристика (*дурак, слонтяй, чёрный*); социальная принадлежность (*нищий, незаконнорожденный, маргинал*), поведение (*блудница, альфонс, пьяница*), профессии (*сапожник, палач, дизайнер*), зооморфизмы (*тварь, собака, гидра*).

Основываясь на своём жизненном опыте и личных представлениях о степени допустимости использования этих слов, респонденты должны были оценить по 8-балльной шкале степень «обидности» каждого слова, где «8» обозначает максимальную степень «обидности». В случае, если ни одна из предложенных номинаций не представилась человеку обидной, опрашиваемый должен был указать, какое оскорбительное слово аналогичного содержания (относящегося к той же квалификационной группе) он бы оценил в 8 баллов.

Последний вопрос анкеты носил обобщающий характер. Реципиентам предлагалось выбрать наиболее оскорбительную группу слов.

Опрос проводился анонимно и носил исключительно аналитический характер. Однако для дальнейшего адекватного анализа результатов анкетирования респондентам необходимо было указать самые первичные данные о себе, такие как: пол, возраст, социальное положение, сферу деятельности.

Всего в опросе приняли участие более 300 человек. Большую часть реципиентов составили люди с высшим образованием. Это обстоятельство является показательным в рамках проведения настоящего исследования, поскольку иски о защите чести и достоинства по причине речевого оскорбления подают именно эти люди. Следовательно, проводимое исследование получает практическую основу и может быть в дальнейшем развито в исследованиях, проводимых в рамках изучения проблем взаимовлияния естественного языка и языка юридических актов.

Большинство опрошенных составили женщины (83,2%). Основная возрастная категория реципиентов – 15-25 лет (64,2%).

Согласно собранным данным, наиболее оскорбительной для современного человека представляется группа слов-зооморфизмов. За неё проголосовало 57,1% из числа опрошенных.

Этот факт может быть обусловлен сложившейся мировой культурной традицией. Животные играют значительную (если не главенствующую) роль в мифологии всех народов, поскольку зачастую на них возлагается роль носителя тех или иных качеств человека [Гукетлова 2008: 78]. Для негативной характеристики человека с помощью зооморфизма используется доминантный признак животного, сформировавшийся в общекультурном сознании на основе былинных и сказочных текстов, обогатившись в течение времени новыми коннотациями [Юрков 2012: 7].

Из предложенных трёх вариантов, представляющих эту категорию, 73% проголосовавших выбрало слово «тварь» как наиболее обидное. Большой степенью оскорбительности, по мнению реципиентов, обладает только слово «сука» (80%). Следующим по степени «оскорбительности» было выбрано слово «собака» (56%, большинство из них – женщины), классическое ругательство, применяемое для обозначения злого и грубого человека.

Следующей по степени «оскорбительности» классификационной группой выступила категория слов, описывающих поведение человека.

Наиболее обидными как мужчины, так и женщины определили слова «блудница» (78,6%) и «альфонс» (76,5%). Любопытно, что слово «альфонс» получило 8-балльную оценку преимущественно от женщин, а слово «блудница» – от мужчин. Следовательно, в представлении тех, к кому это слово гипотетически может быть обращено, оно не выглядит настолько обидным, насколько его воспринимает противоположная сторона.

Согласно статистике, представления мужчин и женщин о том, что является обидным для противоположного пола, рознятся [Визягина 2011: 29; Смирнов 2017: 43]. Это во многом связано с гендерными стереотипами. Так, самое страшное, по мнению мужчин, для женщины – быть выставленной в обществе как легко и всем доступной.

В связи с этим возникают примеры аналогичной семантики, приводимые в ходе анкетирования преимущественно мужчинами, такие как: *давалка, шалава, шлоха, шкура, шаболда, блядь, потаскуха*.

По мнению женщин, самое обидное для мужчины – оказаться несостоявшимся, материально зависимым человеком. Следовательно, в качестве «обидных» в этом случае зафиксированы такие слова, как *плебей, гонник, нищеврод, лох, иждивенец, бомж*.

Группа, объединяющая «обидные» слова по значению социальной принадлежности человека, занимает третье место в этой классификации. Из предложенных вариантов (*маргинал, нищий, незаконнорожденный*), наиболее оскорбительным большинство опрошенных выбрали «нищий» (56,7%).

Это может быть обусловлено тем обстоятельством, что «незаконнорожденный», как и «маргинал», воспринимаются нейтрально в сравнении с такими вариантами, как *бомж, бастард, выbleдок, ублюдок*, которые были предложены респондентами самостоятельно. «Нищий» в этом перечне представляется наиболее ущемляющим достоинство личности, сходным с *ничтожеством* и *нищевродом*, имеющими, однако, большую степень эмоциональной окраски.

Классификационная группа «обидных» слов, дающих личностную характеристику людям, хотя и не была воспринята реципиентами как одна из наиболее оскорбительных для современного человека, весьма интересна для изучения с лингвистической точки зрения.

Наиболее обидным, вопреки ожиданиям, оказалось не предложенное слово *чёрный*, явно указывающее на расистскую семантику, и даже не вписанное одним из респондентов «нигер», а выглядящее несколько устаревшим по сравнению с прочими слово *слюнтяй*. За него проголосовало 47% из общего числа опрошенных. По данным опроса, большей степенью «обидности» обладает только нецензурное слово «пидор», получившее 8-балльную оценку у 50% реципиентов.

Такая популярность слова «слюнтяй», употребление которого зафиксировано впервые в начале XX века (впервые кодифицировано в словаре Ушакова) [Ушаков 1945: 717–718], наряду с современным (впервые зафиксированном на русской почве в 1986 г., согласно данным НКРЯ) нелитературным словом может объясняться схожестью этого слова по семантике с нецензурным эквивалентом. Согласно данным «Словаря русского языка» под ред. Евгеньевой, «слюнтяем» принято называть бесхарактерного, безвольного человека [МАС 1999: 134]. Аналогично слово «пидор», помимо прямого обозначения гомосексуала, в современной культуре характеризует слабовольного человека, ведущего себя (исходя из первого значения слова) «не по-мужски» [Елистратов 2002: 67].

Любопытно, что слово «дурак» квалифицируется как «обидное» слово только 13% опрошенных. Причём около половины из этого числа сделали приписку «обиднее вместо дурак – дура».

М.В. Хитина объясняет этот феномен тем, что существительные женского рода более резко воздействуют на адресата [Хитина 1999: 121–127]. «Дура», «истеричка», «идиотка» имеют более сложное фонетическое строение. Их произношение в результате скопления гласных (ск, тк) и смещения акцента (ср. дурАк-дУра) режет слух.

Немаловажную роль в этом отношении играет и культурная традиция. «Дурак» в литературе зачастую воспринимается как слово с положительной коннотацией. В качестве примера можно привести широко известный сюжет сказок об Иване-дураке, который оказывается отнюдь не глупым и весьма удачливым человеком. А вот с «дурой» прочно связана отрицательная характеристика.

«Обидные» слова, представляющие собой профессии, представляются современному носителю русского языка наименее оскорбительными. Согласно опросу, в нашем веке такие номинации, как «сапожник», «палач», «дизайнер» не могут задеть самолюбия другого человека.

Многим реципиентам, преимущественно старшего поколения, была неясна негативная коннотация слова «дизайнер». Несмотря на то, что большинству опрошиваемых (относящихся к основной возрастной группе с 15 до 25 лет), удалось уловить возможное отрицательное значение этого слова, оно не было выбрано в качестве самого обидного. 11% опрошенных оценили степень «обидности» слова «дизайнер» в 3 балла.

Тем не менее, этимология этого слова крайне интересна. До конца XX века оно не было известно русскоязычному человеку. «Словарь Академии Российской» (1789–1794) предлагает в качестве варианта обозначения человека, занимающегося конструкцией зданий ныне устаревшее слово «зодчий» [САР 1794: 584], в словаре Даля (1960-е) появляется в этом значении слово «строитель» [Даль 1866: 601], в словаре Ушакова (1940-е) –

«архитектор» [Ушаков 1940: 640–641]. И только в словаре Ожегова, датированном 90-ми годами прошлого столетия, можно найти кодифицированное определение слова «дизайнер» как «художник-конструктор» [Ожегов 2005: 165].

Его появление и закрепление на русскоязычной почве обусловлено усилившимся к концу XX – началу XXI века влиянием на наш язык и культуру английского языка, проникновение большого количества заимствований из него в русский язык («дизайнер» образовано от англ. design – “конструкция”). Так, согласно данным НКРЯ, с 1993 года слово «дизайнер» насчитывает 572 вхождения в тексты литературных, публицистических и научных жанров. Большая часть словоупотребления приходится на последние семь лет. В то же время слово «архитектор» имеет 2 301 вхождение, однако в последнее десятилетие его популярность значительно снизилась. Это свидетельствует о том, что слово «архитектор» постепенно уходит из активного употребления, и на его место в скором времени может встать слово «дизайнер», стремительно набирающее популярность.

Тем не менее, нельзя забывать о любопытном факте: широко используемое в своём прямом значении слово «дизайнер», также обрело оттенок негативной коннотации. Слово «Дизайнер» стало многими употребляться и восприниматься как оппозиция слову «архитектор», то есть как слово, обозначающее какую-то несерьёзную творческую деятельность. Если архитектор – это настоящий мастер, профессионал, то дизайнер – это любитель и профан, занимающийся конструированием чего-либо как хобби.

Нарекание человека этим «статусом» всё чаще сопряжено с ироничным отношением к его деятельности. Показательны в этом случае примеры Интернет-литературы: *Она – будущий, хотя творческого будущего у неё нет, дизайнер.* [Ковалева 2002]. *Иногда просто физически невозможно разместить, скажем, камни в каскаде так, как это «увидел» дизайнер!* [Маленький оазис большого сада 2003].

Кроме того, слово «дизайнер» обладает ещё одним, негативно окрашенным значением. По отношению к отрицательной характеристике мужчин. Обозвать мужчину дизайнером зачастую значит подвергнуть сомнению его мужские качества и силу. Например: *Очковый дизайнер решил, что много бренда не бывает.* [Слава Сз 2010].

Такая тенденция может объясняться сложившимся в обществе представлением о мужчинах-дизайнерах (преимущественно, одежды), тщательно следящих за своим внешним видом, нередко обладающих чрезмерной жеманностью в обращении.

Следовательно, при определённом рассмотрении, слово «дизайнер» может восприниматься как эвфемизм таких слов, как «гомосексуал», «пид*р», «педик» и т.д. Однако необходимо учитывать, что эта коннотация слова ещё довольно новая и не окончательно прижившаяся в языке.

Таким образом, нейтральное по семантике слово в результате процесса вхождения и утверждения в языке, может изменять и принимать новые коннотации, преимущественно – негативные. Причём спектр применения и степени «негативности» слова в этом случае будет различен.

Несмотря на непопулярность этой группы слов, нельзя утверждать, что номинации разряда профессиональной характеристики человека не используются в качестве речевого оскорбления. Напротив, в эту группу входит одно из самых распространённых и широко употребляемых ругательств – «проститутка». 87,6% опрошенных указали это слово как наиболее оскорбительное из этой категории. И это весьма закономерный результат.

В силу относительной давности употребления (впервые зафиксировано в конце XIX века, согласно НКРЯ), универсальности использования («проституткой» могут быть названы как мужчины, так и женщины, в прямом и переносном смысле – например, «политическая проститутка» (о беспринципном и продажном политике) и, что является немаловажным фактором, литературности, оно выступает одним из главных современных ругательств. Это слово произносят во время бытовых ссор, с экранов телевизоров, научных кафедр, политических трибун. Число его вхождений, согласно НКРЯ, составляет 1447, что вдвое больше «дурь» (760) и втрое – «шлюхи» (346).

Таким образом, на основе рассмотренных примеров можно сделать вывод о том, что главными условиями для широкого употребления «обидного» слова выступают: универсальность его применения к обоим полам, звуковая оболочка, обеспечивающая негативное, раздражающее слуховое воздействие на адресата, традиция использования этого слова.

Заключение. Проведённый анализ позволяет установить, что «обидные» слова в представлении авторов художественных произведений преимущественно отличаются от слов, вызывающих рефлексии обиды у современного человека. В первую очередь, степенью экспрессивности. Это обусловлено культурно-этическими рамками, в которых существует художественная литература: использование нецензурной (наиболее экспрессивной) лексики в печатных изданиях преимущественно недопустимо. В обиходной речи это ограничение отсутствует. Изменившиеся с течением времени реалии жизни, проникновение в русский язык новой лексики, в том числе – из иностранных языков, дают возможность появления оскорбительных слов и выражений, ранее не употреблявшихся (*чёрный, лох, олигарх, альфонсообразный* и др.). Напротив, широкоупотребительные в прежние времена «обидные» слова (*жулик, палач, невежа, варвар* и др.) ввиду возникновения иных, в большей степени отвечающих реалиям XXI века, современным носителем русского языка не квалифицируются как таковые.

Кроме того, настоящее исследование позволило установить специфику «обидных слов», имеющих потенции к явной инвективе в современном городском обществе, а также проследить изменение восприятия таких языковых единиц в динамике.

Сопоставление сформированного списка слов, вызывающего потенции к явной инвективе в современном городском обществе, с примерами из реальных судебных дел по вопросам защиты чести и достоинства, представляет интересную почву для дальнейших исследований.

Библиография

- Астафьев В.П. Собрание сочинений. – Красноярск, 1997. – Т. 3. – С. 127.
- Вепрева И.Т. Метаязыковой привкус эпохи. – М., 2014. – С. 2.
- Визягина Н.В. особенности проявления вербальной агрессии у мужчин и женщин (на материале судебных лингвистических экспертиз по ст. 130 УК РФ «Оскорбление») // Юрислингвистика. – М., 2011. – №11. – С. 29.
- Голощапова Е.В. Речевой жанр «Оскорбление»: описание типологических признаков // Филология и человек. – Барнаул, 2014. – №3. – 300 с.
- Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений в четырнадцати томах. – М., 1938. – Т. 3. – С. 57.
- Грин А.С. Все романы и повести в одном томе. – М., 2016. – С. 34.
- Гукетлова Ф.Н. Языковая и культурная специфика зооморфизмов // Русистика. – Нальчик, 2008. – №2. – С. 78.
- Домбровский Ю.О. Хранитель древностей. – М., 1956. – С. 98.
- Елистратов В.С. Словарь русского арго. Материалы 1980-1990 гг. – М., 2002. – С. 67.
- Ковалева А. Миллионы, женщины и смерть // «Известия», 2002.12.27. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/author/anna-kovaleva?page=3> (дата обращения: 13. 05. 2020).
- Маленький оазис большого сада // «Ландшафтный дизайн», 2003.05.15. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bljournal.com/malen-kij-oasis-sredi-zavodov-v-gor/> (дата обращения: 18. 05. 2020).
- Малый академический словарь / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1999. – Т. 4. – С. 134.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2005. – С. 165.
- Пивоварова И. Тройка с минусом или происшествие в 5 «А». – М., 1982. – С. 97.
- Словарь Академии Российской. – СПб., 1794. – С. 584.
- Смирнов П.Ю. Гендерная дифференциация в проявлении речевой агрессии мужчин и женщин // БГЖ. – Белгород, 2017. – №4 (21). – С. 43.
- Слава Сэ. Авторская программа «Чайник». – 2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pesenet.livejournal.com/> (дата обращения: 05.06.2020).
- Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – М., 1940. – Т. 2. – С. 640–641.
- Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – М., 1945. – Т. 3. – С. 717–718.
- Хитина М.В. Вопросы сегментной фонетики и просодики слова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. – М., 1999. – № 3. – С. 124–127.
- Чуковский К.И. Солнечная. – Л., 1936. – С. 134.
- Шульгин В.В. Последний очевидец. – 1971. – С. 78.
- Шумарина М.Р. Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте: автореф. дис. ... д-р. филол. наук: 10.02.01. – М., 2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/metazykovaya-refleksiya-v-folklornom-i-literaturnom-tekste> (дата обращения: 01.03.2020).
- Юрков Е.Е. Русские зооморфизмы в лингвокультурологическом аспекте // Русистика. – 2012. – №2. – С. 7.